

М. Маршалек (Быдгощ, Влоцлавек)

**РУССКИЕ СВЕРХСЛОВНЫЕ НОМИНАТЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ**

В статье речь идет о тех сверхсловных номинатах, которые функционируют в польской публицистике конца XX – начала XXI в. Под сверхсловными номинатами понимаются, во-первых, языковые знаки необразного характера, которые в лингвистической литературе именуется по-разному: напр., аналитические лексические единицы, языковые клише, фраземы [2, с. 18–19], во-вторых, образные номинативные единицы, т. е. фразеологические сращения и единства, и, в-третьих, клишированные высказывания, в частности, пословицы, поговорки и афоризмы.

Наличие единиц такого рода не является фактом только лишь современного польского публицистического дискурса. Известно, что многие аналитические номинации использовались довольно широко в варшавской прессе 1795–1918 гг., т. е. в период наиболее сильного влияния русского языка, напр.: *attestat dojrzałości* ‘аттестат зрелости’, *dom wychowawczy* ‘воспитательный дом’, *jeden i ten sam* ‘один и тот же’, *minister bez portfela* ‘министр без портфеля’, *pójść w odставку* ‘пойти в отставку’ [1, с. 306–320]. Некоторые из них заняли прочное место в лексическом запасе (информационной базе) современного польского языка, приобретаю статус нормативных единиц, напр.: *carskie wrota* ‘царские врата’, *wilczy bilet* ‘волчий билет’, *wypisać się ze szpitala* ‘выписаться из больницы’, *zaprowadzić porządek* ‘завести порядок’ [1, с. 318].

Материал данной статьи (121 сверхлексемная единица) взят из журнала «Polityka» и еженедельной газеты «Nie», которые печатаются относительно большим тиражом, относятся к влиятельным изданиям в сфере общественно-политической жизни и довольно часто и последовательно затрагивают российскую тематику.

Важной особенностью русских сверхсловных номинатов, функционирующих на полосах исследуемой прессы, является то, что они никогда не воспроизводятся в своем исконном (кириллическом) облике, вследствие чего не отличаются такой большой степенью контрастности, которую, например, в русском тексте имеют неадаптированные заимствования-клише вроде *pluralia tantum*, *tabula rasa*, *Homo sapiens*,

vice versa или *ad hoc*, употребляемые в латинской графике. Кстати сказать, в современном польском текстопроизводстве элементы кириллицы используются, пожалуй, лишь в стилизационных целях. Например, **Ш** может заменять **W**, **У** – **Y**, **Я** – **R**, **И** – **N**, **Д** – **A**, как в рекламном тексте телекомпании TP S. A.: **ШRÓCÍMU ТЯОСНĘ RÓŹИИЕJ. ДДWOKAT MÓШI, ŹЕ ЗА 6 LAT.**

Анализ собранного материала показывает, что русские аналитические знаки, воспроизводимые в польской публицистике, в большинстве своем передаются с помощью транслитерации, напр.: *bannyj dzień, czielowieczeskij faktor, krugowaja poruka, łagier mira, nabor koniakow raznego sorta, prostoj narod, psychologiczeskaja nierazbiericha*. Довольно часто используется также транскрипция, позволяющая сохранить такие явные особенности русского произношения, как, напр., аканье, ср.: *daragoj drug, nu, maładiec!*, *pa duszam*. Нередко применяется калькирование, как полное, ср.: *łowić ryby w mętnej wodzie* ‘ловить рыбу в мутной воде’, *pożyteczny idiota* ‘полезный идиот’, так и частичное, ср.: *blatna pieśń* ‘блатная песня’, *Czerwona Smuta* ‘красная смута’, *transport miejski* ‘городской транспорт’.

Введение в публицистический текст транслитерированных или транскрибированных элементов сопровождается зачастую их переводом (ср.: *Delikatesy Azbuka Wkusa (Alfabet Smaku) to dla wielu rosyjskich vipów obowiązkowy przystanek w drodze do domu*) или комментарием ([...] *długi rubel, czyli pensja wyższa często nawet o 150 proc. od przeciętnej; [Putin] w 2008 r. przeprowadzał się z Kremla do Białego Domu (tak potocznie nazywa się w Moskwie siedzibę rządu)*). Иногда при включении сверхлексемных единиц используются также такие метатекстовые маркеры, как курсив (*Przy stanie 5:3 dla Karpowa działacze przerwali mecz, ratując rozstrojonego nerwowo **czempiona mira***) или кавычки ([...] *imprezy dla finansowej elity, czyli «nowych Ruskich», kosztowały znacznie drożej*), которые указывают на «чужеродность» вводимых элементов и их конкретную национально-культурную принадлежность. Устойчивые словосочетания не сопровождаются дополнительной информацией в двух случаях, если они уже приобрели в польском языке статус нормативных, напр.: *bez wodka nie razbieriesz (A ponieważ wszystko działa się w Rosji – wiadomo, bez wodka nie razbieriesz)* [3], или продолжают функционировать в узусе, как, напр., аналитизм *kraj prywislanski (Wprawdzie dusza kraju prywislanskiego jest*

nieso inna i nikt tu nie wykorzenil kultu Boga), появившийся на страницах польских газет еще во второй половине XIX в. [1, с. 290].

Типы сверхсловных номинатов, функционирующих в современной польской публицистике, различны. Самую многочисленную группу составляют устойчивые воспроизводимые единицы необразного характера, т. е. аналитические номинации, напр.: *bilet plackartnyj, blatna gwara* ‘блатной говор’, *funkcjonalnyj gruzawoj blok, gosudarstwiennyj organ, imitacjonnaja avio bomba, koluczija prowolka, putiowka na jug, russkij mat, sklady firniennyje, sklady passażyrskije, sklady skoryje, strojka socjalizma, trockistsko-bucharinskij agent japonsko-giermanskowo faszizma, wagon plackartnyj*. Сюда примыкают, по-видимому, и географические названия, напр., *koczetawskaja oblast, Mineralnyje Wody, Sowietiskij Sojuz*, названия знаменательных событий, ср., *Wielka Czyszka* ‘Большая Чистка’, *Wielka Wojna Ojczyźniana* ‘Великая Отечественная война’, названия организаций, учреждений и публичных объектов, напр., *Dom Prijoma, Gornaja Karusel, Objedinenije Riealnogo Iskusztwa, Rot Front, Ruskoje Motoko, Siewiernoje parachodzstwo, Woorużennaja Ochrana*, а также заглавия литературных произведений, периодических изданий, интернет-сайтов, кинофильмов, песен и под., напр., *Eto liubow, Gołubojе salo, Gorie od uma, Mafija bessmiertna, Russkij Reportior, Wieczernaja Moskwa, Wiesiołyje rebiata*.

Очередные группы аналитических единиц, включаемых в польский текст, составляют также выражения речевого этикета: *bolszoje spasiba, daragoj drug, wasze blagorodie, wasze wieliczestwo, s prazdnikam, da zdrowstwujet!*, а также так называемые практические тексты, напр., этикетки: *Nabor koniakow raznogo sorta; Sdielano w Polsce; Sdielano w СССР* и гриф секретности *sowerszenno sekretne*.

В сегодняшней публицистике наряду с аналитическими знаками необразного характера функционируют тоже клишированные высказывания типа пословиц и поговорок, напр.: *Boh trojcu ljubit; Tiszе jedziesz, dalsze bud’iesz; Niewolnik – nie bogomolnik; Wstyd oczu nie wykole* ‘Стыд глаз не выколеть’; *Jeśli budiet bolsze, sdielajem kak w Polsce; bez pół litra nie rozbierzesz* ‘без пол-литра не разберешь’.

Образные же номинативные единицы, т. е. фразеологизмы, появляются в современной публицистике крайне редко; нами зафиксированы только единичные случаи использования таких фразеологизмов – *łowić ryby w mętnej wodzie, pa duszam* и *toczka w toczkę*.

Как показал анализ, русские сверхсловные языковые знаки выполняют в польском публицистическом тексте вполне определенные функции. Прежде всего, они функционируют в нем как номинации российских реалий, причем наиболее частотны в этой роли всевозможные культурные знаки-клише, напр., номинации субъектов (**polieźnyj idiot**: *Podobno termin polieźnyj idiot wprowadził do historii polityki Lenin*; **łyśyj durak**: *Łyśyj durak kazał zaorać winnice w Gruzji i posadził kukurydzę*), мест (**Duma Państwa** ‘Государственная Дума’: *Największa frakcja – komunistyczna – wciąż jest drugą siłą w Dumie Państwowej*), отдельных предметов (**tolstyj żurnal**: *Najistotniejsze utwory to powieści, ale i tolstye żurnaly jak «Krytyka» czy «Res Publica»*), а также важных событий (**Wielka Czystka** ‘Большая Чистка’: *Trochę wcześniej, w latach «Wielkiej Czystki» kazał rozstrzelać 800 tysięcy «swoich» – funkcjonariuszy radzieckich instytucji i aktywistów partyjnych*).

Сверхсловные русизмы не только номинируют участки картины мира, специфические для русской культуры, они выполняют в польском тексте также эмотивную функцию, благодаря которой вносят в контекст компонент особой оценочности и эмоциональности. Такую роль играет, напр., поговорка *Kurica nie ptica, a Polska nie zagranica*, использованная в вымышленном разговоре Медведева с Туском, в котором высмеивается Качиньский как противник нормализации русско-польских отношений ([Медведев] *Coś było z drobiem... Utką? Utkowicz? Wiem, Kaczyński. Tak, ale była też kurica!* [Туск] ***Kurica nie ptica...*** [Медведев] ***A Polska nie zagranica!!!*** [Туск] *No to witaj w domu!*).

Отдельные сверхсловные единицы, которые в литературе именуется обыденными (бытовыми) клише [2, с. 65–67], могут выполнять также идентификационную функцию, позволяющую соотнести определенные высказывания с носителями русского языка, напр.: *Towarzystwie «Bulgarii» z portu zimowego w 2010 roku. Była wtedy w niezłym stanie. W ciągu 2010 roku ją uchetali, nowy dzierzawca nalał tylko paliwa – i pajechali!*; *Rzecz w tym, powiedział, że «czekiści» to taki typ ludzi («takoj naród»), że jak już schwycą rybę za ogon, to ciągną ją prosto do kosza, a kosz tutaj, na Łubiance*.

Таким образом, русские сверхсловные номинаты представлены в польском публицистическом дискурсе различными типами единиц: анализмами, выражениями речевого этикета, паремиями и фразе-

логизмами. Используются они или благодаря своему десигнативному значению, или по причине прагматической силы, обусловленной их необычностью, единичностью, особенностью. В тексте, наряду с словами-русизмами [4, с. 675–681], они успешно взаимодействуют с польскими разностилевыми элементами, определяя вместе с ними стилистику современной публицистики.

1. *Karaś, H.* Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie okresu zaborów / H. Karaś. – Warszawa, 1996.

2. *Leszczak, S.* Языковое клише. Прагматика, семантика и структура аналитических номинативных неидиоматических знаков в современном русском языке / S. Leszczak. – Kielce, 2007.

3. *Lubaś, W.* Słownik polskich leksemów potocznych / W. Lubaś. – Kraków, 2001. – Т. I.

4. Лексические русизмы в польском языке начала XXI века / М. Маршалек [и др.] // Русский язык и литература во времени и пространстве. – Shanghai, 2011. – Т. 2. –С. 675–681.